

— Я не пойду, — Янь Фуи опустил ресницы, скрывая свои чувства. — Тиншуан, передай это шицзуню за меня.

Янь Тиншуан прищурился. На его мягком, благообразном лице на мгновение промелькнуло подобие тонкой усмешки.

— И почему же? — мягко спросил Тиншуан. — Шицзунь и без того на тебя разгневан. Он всегда безмерно уважал главу ордена, нашего старшего дядю. Если ты даже не явишься засвидетельствовать ему почтение после уединения, неужели ты хочешь окончательно разгневать учителя?

Ветер всколыхнул подвеску на мече Янь Фуи. Белоснежная кисть оставалась единственной деталью, выделявшейся на его строгом одеянии.

— Старший дядя-глава, — губы Янь Фуи дрогнули в горьком подобии улыбки, — лишь сильнее расстроится, если увидит меня.

Янь Тиншуан пристально посмотрел на него.

— Ну что ты такое говоришь? — Тиншуан подошел ближе и взял брата за руку. — Наш старший дядя справедлив, он всегда беспристрастно судит о проступках и заслугах. К тому же ты ведь ничего не совершил... Или всё-таки вчера ты и впрямь из зависти намеренно пожелал мне гибели в тайной обители Цзэу?

Сердце Янь Фуи словно сжала невидимая, тяжелая длань. С трудом сдерживая нахлынувшую боль, он беззвучно шевельнул побелевшими губами.

— Тиншуан...

— Да ладно тебе, я же просто шучу, — Тиншуан беззаботно рассмеялся. — Ведь старший брат любит меня больше всего на свете, верно?

Янь Фуи промолчал.

Ветер хлестал шелковой кистью по тыльной стороне ладони Янь Фуи, оставляя на бледной, холодной коже едва заметные алые полосы.

Разумеется, он любил Янь Тиншуана больше всех. Это был его младший брат-близнец, единственный оставшийся в живых кровный родственник.

Тиншуан с самого детства рос слабым и болезненным, с нестабильным духовным корнем. Янь Фуи привык оберегать его. И когда их семья погибла, и когда их обоих приняли в даосский

орден Куньлунь — брат всегда оставался для него священным долгом, который он защищал ценой собственной жизни. Этот долг проник в самую его плоть и кровь, сковав душу нерушимыми узами.

Чтобы восполнить врожденную слабость брата и помочь ему продвинуться по пути долголетия, Янь Фуи использовал каждую свободную минуту для поисков редких трав. Стоило ему услышать о каком-нибудь снадобье, способном укрепить духовный корень, как он, не щадя себя, отправлялся на его поиски.

Потребовалось много лет, прежде чем ему удалось отыскать легендарную траву Звездного Ущелья, почитаемую как врожденное сокровище. К несчастью, это был лишь неокрепший росток, требующий ежедневного полива водой из тысячелетнего Источника Скрытого Ян.

Янь Фуи посадил бесценное растение на утесе Очищения Одежд и оберегал его со всей заботой, ожидая, когда Тиншуан сформирует золотое ядро и окрепнет достаточно, чтобы перенести мощный очищающий удар лекарства.

Воспоминание об этом принесло каплю тепла в его измученное сердце. Взгляд Янь Фуи смягчился. Он потянулся рукой к лицу брата, желая убрать непослушную прядь волос с его лба.

— Мне нужно ненадолго спуститься с горы, чтобы полить траву, — тихо произнес он. — Сяо Шуан, я нашел одну...

— Ты не хочешь видеть старшего дядю-главу, потому что всё еще таишь обиду за прошлое?

Глаза Янь Тиншуана лучились мягким светом, когда он с улыбкой наблюдал, как лицо старшего брата мгновенно окаменело.

— Но ведь тогда ты погубил шихэна Фуюя, — вкрадчиво продолжил Тиншуан. — Старший дядя познал горечь утраты единственного сына, неудивительно, что он обошелся с тобой сурово. Неужели ты не можешь войти в его положение?

— Ты ведь заслужил всё это, старший брат.

Вспышка дикой боли, словно острый клинок, пронзила горло Янь Фуи, лишая его возможности издать хоть звук. Холодный яд, который он с таким трудом сдерживал в меридианах, вырвался наружу неудержимым потоком. Его внутренности мгновенно сковало ледяным панцирем.

Зрение Янь Фуи затуманилось, перед глазами поплыли темные круги. Он смутно видел, как шевелятся алые губы Тиншуана, но уже не мог разобрать черт его лица.

На самом деле, слова брата звучали еще мягко. В памяти Янь Фуи хранилось слишком много

подобных фраз. Ему даже не нужно было их слышать снова — эти лезвия давно врезались в его душу.

"Это он! Это отродье погубило шимэй Янь Жань! Настоящая звезда несчастья!"

"Мало того что ты свел в могилу собственную мать, так еще и лишил меня единственного сына!"

"Старший брат-глава лишь наказал тебя по законам ордена, неужели ты смеешь держать на него обиду? Путь меча не терпит подобной изнеженности!"

"Рожденный с порочными костями, не поддающийся наставлению... Позор для всего ордена!"

"Холодный, бесчувственный подлец — вылитый тот демонический монстр..."

"Янь Фуи, почему ты до сих пор не исчез?!"

Разум Янь Фуи содрогнулся. Почувствовав сильный удар в грудь, он невольно отступил на полшага.

— Брат, — Янь Тиншуан мгновенно стер с лица двусмысленную усмешку и шагнул вслед за ним, преисполненный искренней тревоги. — Что с тобой? Ты так не хочешь идти со мной к старшему дяде?

Янь Фуи поднял голову. В небесной вышине промелькнула ослепительная вспышка меча. Он слишком хорошо знал эту пронзительную, сковывающую стужу — Достопочтенный Меч Вопрошающий Небо, его собственный шицзунь, лично летел сюда, чтобы схватить непокорного ученика.

И вдруг Янь Фуи тихо рассмеялся.

— Тиншуан, — негромко позвал он. — Скажи мне, почему вчера ты так настаивал, чтобы я сопровождал тебя в тайную обитель Цзэу?

Тиншуан растерянно замер.

Янь Фуи никогда не был глупцом. Просто порой он сознательно закрывал глаза на правду, отчаянно цепляясь за жалкие крохи тепла, словно скупец за последнее золото. Он просто боялся заглянуть в бездну истины.

Но теперь он действительно не понимал: почему, сколько бы он ни старался, каждый его шаг

оборачивался провалом?

То, что он оберегал младшего брата как величайшую драгоценность, оказалось ошибкой. Его преданность шицзуню, которого он почитал подобно небожителю, тоже была ошибкой. Даже его неустанные труды на благо ордена, когда он из кожи вон лез, чтобы исполнить долг Первого старшего брата, воспринимались как преступление.

Словно само его существование в этом мире было сплошной, нелепой ошибкой.

"Неужели без меня все вокруг наконец-то обрели бы долгожданное счастье и покой?"

Но ведь он никогда не желал зла.

Он отрешенно смотрел на стремительно приближающийся луч меча. Время замедлилось, растягивая каждое мгновение до бесконечности.

Он ведь не просил бросать его в этот мир под бременем проклятой судьбы, приносящей лишь несчастья окружающим.

Хватит. Пора положить этому конец.

Встретившись взглядом с потрясенным лицом брата, Янь Фуи сжал ладонь и раздавил спрятанный в рукаве телепортационный талисман.

Мир поглотила ослепительная вспышка белого света.

Мощь древней печати превзошла все ожидания. Она действительно оказалась быстрее стремительного полета Достопочтенного Меча Вопросающего Небо. В одно мгновение перенесся Янь Фуи сквозь гряды исполинских гор, формация выбросила его прямо в благоухающие заросли на утесе Очищения Одежд.

Он тяжело рухнул на траву и в первый миг не смог даже пошевелиться.

Активация древнего заклинания столь высокого уровня оказалась непосильной ношей для его меридианов, ведь он лишь недавно сформировал золотое ядро.

Казалось, каждая кость в его теле была раздроблена в мелкую крошку. Он лежал у берега хрустального ручья. Рядом покачивались крупные бутоны пионов, а воздух был напоен приторно-сладким ароматом цветов.

Из его рта вырвался сгусток темной крови, запятнав нежные лепестки. Тяжелый, зловещий

запах железа мгновенно перебил цветочную сладость.

Давясь кашлем, Янь Фуи с огромным трудом перевернулся на спину.

Он подумал, что на этот раз шицзунь действительно придет в ярость из-за выходки своего непутевого ученика.

Хотя... едва ли. Вопрошающий Небо шел путем безжалостного, абсолютного бесстрастия — учением безликого Небесного Дао, где чужие судьбы не оставляют следа в душе. Ничто в мире не могло всколыхнуть его покой, если только речь не заходила о Янь Тиншуане.

Янь Фуи разочаровывал его слишком часто. Надеяться, что сейчас он сможет хоть как-то задеть сердце учителя, было верхом глупости.

Он застыл без движения, лишенный последних сил. В этот момент ему не хотелось даже пытаться подняться.

Прошло немало времени, когда у его пояса разлилось тепло. Передающий талисман послушно вылетел из пространственного мешочка Цянькунь и, обратившись хрупким бумажным журавликом, закружил над его головой с тихим, жалобным шорохом.

Янь Фуи зажмурился, не желая воспринимать послание, однако строки сообщений одна за другой безжалостно хлынули в его сознание.

Из Зала Дисциплины передавали: покинув уединение, глава ордена пришел в неопишемую ярость и приказал сурово покарать вероломного ученика старейшины Вэньтяня, объявив на него охоту.

Вести из Зала Эликсиров и Трав гласили: старейшина Вэньтянь действительно принял Сяо Фэна в личные ученики и передал под его начало все запасы редких снадобий и целебных растений, от которых зависели жизни младших собратьев.

Из Башни Библиотеки доносилось: маленький шисюн Тиншуан с ледяным выражением лица заставил зрителей перерывать древние манускрипты в попытках восстановить утерянный свиток забытого заклинания.

Все эти известия вереницей проносились перед мысленным взором Янь Фуи, но он заставлял себя игнорировать их, не позволяя ядовитым словам ранить израненное сердце.

В полузабытии он провел около половины дня, когда талисман у его бока вновь вспыхнул

жаром.

На сей раз бумажный вестник растаял, обратившись изящной ледяной снежинкой, которая ласково опустилась на его горячий лоб.

— Старший брат, — тихий, вкрадчивый голос Янь Тиншуана прозвучал в его голове с привычной детской нежностью. — Ученики из Зала Эликсиров и Трав говорят, что не знают, как готовить мое ежемесячное лекарство.

— Брат, — нежный шепот сквозил искренней обидой, — ты всё еще злишься на Сяо Шуана? Мне так холодно...

Янь Фуи измученно прикрыл веки.

Тело его близнеца было слишком уязвимым, и обычные целебные эликсиры не приносили облегчения. Будучи главой Зала Эликсиров и Трав, Янь Фуи часами расспрашивал старейшин Пика Эликсиров, терпеливо переписывая и улучшая каждую формулу, лишь бы облегчить муки брата во время очередного приступа.

Этот кропотливый, изнурительный труд требовал полной отдачи. Не желая расходовать ресурсы ордена на личные нужды, Янь Фуи выкраивал драгоценные часы сна и отдыха, проводя эксперименты в одиночку и никогда никого не прося о помощи.

Многие из этих редких рецептов и техник, как и формула древнего телепортационного круга, были добыты им в смертельно опасных вылазках в заброшенные тайные царства, где он едва не расстался с жизнью.

Никто в Куньлуне не знал, сколько испытаний ему пришлось преодолеть. Точно так же никто не догадывался, что всего пару дней назад он успешно прошел через грозное крещение и сформировал золотое ядро, став самым молодым мастером стадии Золотого Ядра в Девяти Провинциях за последние десять тысяч лет.

Разумеется, никто в Зале Эликсиров и Трав, кроме самого Янь Фуи, не имел ни малейшего понятия о составе лекарств для Тиншуана.

Тот продолжал жалобно канючить на другом конце ментальной связи, но Янь Фуи слишком хорошо знал: время для приема лекарства еще не подошло. Сам Тиншуан с его беспечностью никогда бы не вспомнил о рецептах.

Его надоумил Сяо Фэн. Больше некому.

Сяо Фэн жаждал прибрать к рукам Зал Эликсиров и Трав, чтобы наложить лапу на его бесценные сокровища. Улучшенные формулы Янь Фуи стоили целое состояние. Самому

мечнику было плевать на богатство, но глупо было отрицать очевидную ценность его трудов.

Но откуда об этом прознал Сяо Фэн?

Этот безродный выскочка из внешних учеников обладал пугающими познаниями о каждом из них. Янь Фуи давно заметил эту странность.

Его осведомленность не имела ничего общего с дружелюбием — это был холодный расчет стервятника, отслеживающего жертву.

Но что он мог исправить теперь?

С горьким равнодушием Янь Фуи обдумал свое положение. Что может сделать отступник, стоящий в шаге от изгнания из ордена?

Да, он был старшим братом Тиншуана. Но он тоже был человеком. Он уставал, его раны кровоточили, а когда его предавал единственный близкий человек, в ушах стоял невыносимый гул.

— Тиншуан.

От его хриплого, безжизненного голоса Тиншуан на том конце связи мгновенно умолк.

— Тиншуан, — тихо спросил Янь Фуи, — это Сяо Фэн попросил тебя узнать?

В эфире повисло короткое молчание, после чего Тиншуан возмущенно выдохнул:

— Шиди Сяо тут ни при чем! Старший брат, мне так плохо, а ты используешь это, чтобы оклеветать его?

Янь Фуи лишь беззвучно улыбнулся, лениво перебирая белоснежную кисть на рукояти своего клинка Чистого Инея.

Для духовного оружия заклинателя стадии Золотого Ядра эта подвеска выглядела слишком бедно. Несмотря на бережный уход, простые шелковые нити от времени пожелтели, а у самого основания плетение давно обтрепалось.

Янь Фуи осторожно снял поношенную кисть и положил ее на ладонь.

Когда-то очень давно, когда их мать была еще жива, а маленький Тиншуан хвостиком ходил за ним, не умолкая ни на секунду, брат подарил ему эту подвеску. Это был первый и

единственный подарок, сделанный руками Тиншуана.

Больше десяти лет эти нити впитывали его кровь во время яростных схваток с демонами. Они сопровождали его во всех походах, пока пропасть между ним и братом росла с каждым годом.

"Где же я оступился?"

— Передай Сяо Фэну: то, что он ищет, спрятано в Саду Ста Трав, под третьей грядкой на юго-западе, — ровно произнес Янь Фуи. — Если он сумеет распутать формацию, то получит рецепты.

Янь Тиншуан замялся, но все же капризно проворчал:

— Зачем ты опять нагородил барьеров? К чему эти трудности?

— Никаких трудностей, — мягко ответил Янь Фуи. — Сяо Шуан, если он не способен справиться даже с простейшей печатью, то как он сможет правильно приготовить для тебя лекарство?

На этот раз Тиншуан промолчал.

— Должно быть, я так и не сумел стать для тебя хорошим братом.

Янь Фуи разжал пальцы. Легкий порыв ветра подхватил старую подвеску, унося ее к воде. Белая кисть коснулась прозрачной глади ручья и мгновенно исчезла в темной глубине.

— Если он нравится тебе больше, пусть попробует занять мое место.

Тонкий отблеск клинка перерезал воздух, и назойливый передающий талисман бесшумно распался на мелкие клочки бумажного пепла.

<http://bllate.org/book/20278/2106223>